

Жанна Светлова

Долгое эхо войны

12+

Жанна Светлова
Долгое эхо войны

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Светлова Ж.

Долгое эхо войны / Ж. Светлова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9907-4

В центре романа "Долгое эхо войны" судьба военного врача Венедикта Лаврова - участника Сталинградской битвы, спасшего сотни жизней. Он один из сотен тысяч вернувшихся с войны "не героев", а простых солдат, не получивших престижных наград, но честно прошедших всю войну от первого до последнего дня. Казалось бы, война закончилась, перед людьми открылись необъятные просторы мирного времени. Можно жить счастливо, творить свою судьбу с чистого листа. Но война не отпускает, она постоянно живет в мыслях и снах бывшего солдата, накладывая свой отпечаток на его мирную жизнь. Война продолжается, но теперь это борьба с непорядочностью и безразличием.

ISBN 978-5-5320-9907-4

© Светлова Ж., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Плахову Венедикту Петровичу посвящается

Автор предупреждает, что все возможные совпадения с реальными лицами носят случайный характер

Часть первая

Глава 1

Камчатка. Елизово, военный городок авиационного полка. 1949г.

В три часа ночи, измученный тяжелыми сновидениями, совершенно разбитый, Венедикт Петрович поднялся с постели с одним нестерпимым желанием напиться так, чтобы забыть то страшное время, которое выпало на его долю в 1943 г в Сталинградской мясорубке.

Однако, как врач и человек достаточно волевой, хотя сам он себя считал совершенно безвольным и податливым, он понимал, что водка не может спасти никого и ни отчего. Там, в самом пекле Сталинградской битвы, стоя по двадцать часов у операционного стола, восстанавливая силы исключительно спиртом, согреваясь таким же образом в чудовищном холодном, ледовом, кровавом кошмаре, он каким-то невероятным образом выжил и даже не сошел с ума. Постоянные бомбежки, медсанбат, который частенько функционировал без крыши над головой, без стен, постоянно меняя свое место нахождения и часто оставаясь полностью без необходимых медикаментов, в котором замерзала мгновенно только что закипевшая вода, и врач мог замерзнуть тут же у операционного стола. Рассудок нормального человека не всегда мог выдержать такую экстремальную атмосферу. Его рассудок не помутился. Но одолевавшие его теперь ночные видения того страшного времени, свидетельствовали о том, что психика его больна, а «доктор спирт» бессилен ему помочь. Для него это было очевидно. Он все понимал прекрасно, зарекался употреблять спиртное, но срывался. Вот и вчера они с Лешкой Зайцевым за вечер выпили восемь бутылок шампанского. Просто сидели, вспоминали прошедшее и пили, пили, пили. Как он очутился в своей комнате, Веня не помнил. Видно Лешка приволок его домой. Вот ведь сорвиголова! Одно слово-летчик! Асс!

Венедикт вспомнил, как резал Лешку по живому, извлекая пулю из тела. Никаких обезболивающих у них не было. Ему самому требовались успокоительные и обезболивающие средства. Сердце ныло, голова разламывалась от боли. Больше всего он боялся, что не справится, пуля застряла в очень неудобном месте. Практики никакой. Но желание спасти во чтобы то не стало каждого, кого клали на операционный стол, было так велико, что он превращался во время операции, как ему казалось, в робота, запрограммированного кем-то свыше на выполнение определенных движений, чья-то неведомая рука вела его неизменно к успешному завершению работы. Может, именно поэтому смертельного исхода оперируемых им товарищей по его вине у него не случалось. Он сумел спасти и Алексея, хотя никогда прежде не работал хирургом и не собирался им быть, несмотря на то, что учился в медицинском институте.

Вспомнилось, как он приехал в Воронеж и поступил в медицинский институт. Шел 1939г.

Он мечтал работать терапевтом, определять заболевание человека по глазам, состоянию кожи, волос. Ему верилось, что существуют такие врачи-волшебники, которые по внешнему виду пациента ставят точный диагноз и всегда знают, как победить болезнь. Именно терапевт, считал молодой человек, настоящий доктор. Таким доктором мечтал стать Венечка Лавров и свято верил, что станет им непременно. Он будет лечить людей от любой болезни! И пусть все диву даются, как это он, весельчак, балагур, бесшабашный и несерьезный Веня, станет светилом медицины. Жаль, что эти светлые надежды не воплотились в реальности.

Венедикт не любил резать, от одного запаха крови его мучило, и ему стоило немалого труда скрывать это от друзей и преподавателей. Нет, воля у него все-таки была и немалая. Наперекор своему нутру он шутил в анатомичке, принимал беззаботный вид, и девчонки считали его «стальным» мужиком.

На четвертом курсе Веня собирался основательно заняться своей терапевтической специализацией, но весь их курс, практически прямо из аудитории отправили на поле битвы. И ни куда-нибудь, а прямо в Сталинград.

Веня сел на кровать, закрыл глаза, и ужасы пережитого возникли со всеми подробностями: море крови, разорванные человеческие тела, стоны, крики и тошнотворная слабость, бессилие в борьбе за жизни товарищей. Холод, непередаваемый, жуткий холод. Пальцы не слушались совершенно, он не раз обжигал их, стараясь разогреть при помощи спиртовки.

Однажды, после суток дежурства у операционного стола, в полном изнеможении свалился он между развалинами двух домов и все. Он ушел в небытие. Если бы Таисия не вытащила его оттуда, он бы замерз. Он так жалел, что этого не произошло.

– Зачем ты вытащила меня? – говорил он ей, – Пойми, у меня нет больше сил! Ушли почти все ребята, прибывшие со мной сюда, мне уже давно пора последовать за ними.

Смерти он не боялся. Просто смертельно устал.

После гибели Николая Рыбникова, лучшего студента на их курсе, который, действительно, был хирургом от Бога, который чувствовал каждую клеточку человека и мог оперировать почти с закрытыми глазами, после смерти Саша Завьялова, заменившего Николая, после тяжелейшего ранения, Павла Семенова, когда Венедикту пришлось занять их место, он не жил, а существовал в каком-то невероятном диком сне. Ему приходилось сутками оперировать раненых друзей и сослуживцев, и он выполнял возложенные на него обязанности, превратившись, как он думал, в бесчувственное существо, лишённое всяких эмоций. Ему иногда казалось, что он посланец космоса, что он инопланетянин. Ужас, окружавший его, мнился ему результатом фантастического романа, придуманного больным воображением человека. Но, несмотря ни на что, он выжил и даже ни разу не был ранен. Когда их перебросили на Запад, он вроде вновь обрел вкус к жизни и интерес к своему делу, но упросил своего командира перевести его в разряд терапевтов. Здесь он со своим однокурсником и земляком Владимиром Кущенко постигал науку военного врачевания на практике, в условиях непрекращающихся боевых действий. Но «в исключительных» случаях, которые случились почти ежедневно, он вынужден был оперировать. Однако, по сравнению с тем потоком раненых, который прошел через его руки, сердце и психику в Сталинграде, здесь он находился почти на отдыхе. Победу капитан Лавров встретил в Австрии, в Вене. Это была самая счастливая весна в его жизни!

Мысли внезапно повернулись в другую сторону, и он вспомнил, что вчера Таисия опять приходила, и ему с трудом удалось выставить ее из дома. «Боже мой, помоги мне избавиться от нее!», – мысленно молил он Бога, хотя всегда считал себя заядлым безбожником.

Таисия! Она стала его болью и кошмаром. Она спасла его в ледяном, залитом кровью городе, она поддерживала его, когда он бывал на грани безумия от потерь, невозвратных утрат. Она согревала его и успокаивала. Но она все то же самое делала и для других ребят. Все воспринимали ее, как фронтовую верную подругу, никто никогда не обидел ее ни словом, ни взглядом. Веня тоже считал ее своим верным другом, но не более того. Она прошла с их полком до Вены, где они встретили День Победы. Но почему-то именно к нему она пришла с просьбой взять ее с собой на Дальний Восток, сначала на Сахалин, затем на Камчатку, куда его послали для прохождения дальнейшей службы. И он, «слабовольный кретин», не смог ей отказать.

Веня никогда не собирался жениться на ней, более того, Таисия, как женщина, им вообще не воспринималась. И все же он привез ее сюда, создав у окружающих мнение, что они с ней семейная пара, несмотря на то, что в законном браке они никогда не были. Он разрешил ей поселиться в его комнате и стал посмешищем для всего гарнизона.

Таисия, вынесшая на своих руках почти всех раненых полка, стала пить безбожно. Она вступала в интимные отношения с любым, пожелавшим этого. А поскольку их совместное проживание в одной комнате рассматривалось всеми, как брачные узы, Веня вынужден был тер-

петь насмешки окружающих. Но не мог же он каждому объяснять, что они с Таисией просто друзья, что он обязан ей своим спасением и не может просто выставить ее на улицу.

Положение спас Лешка Зайцев, самый близкий друг. Он обратился к командиру полка и объяснил ситуацию, в которую попал Венедикт. Он упросил командира пристроить Таисию в общежитие, и командир распорядился выделить для Таисии комнату.

Лешка сам отвез ее туда и перетащил ее вещи.

Но Таисия не думала отступать от своей цели, решив заставить Венедикта жениться на ней. Она не давала ему прохода. Вот и вчера ввалилась к нему, когда он утром, после ночного дежурства уставший и голодный пришел домой. Она уже сидела в его комнате с бутылкой водки и тут же начала омерзительный скандал, привлекая внимание всех соседей громоподобной руганью и поползновениями ударить его. В ход пошел и стул, развалившийся от падения, и сковородка, и даже примус.

Венедикт разозлился и просто вышвырнул ее за порог, но уснуть не смог и через пару часов мучений встал и пошел к Алексею, где и провел весь день и вечер, до глубокой ночи.

«Что же мне с ней делать? – мучительно думал он. – Никогда я ей не говорил о любви, никогда ничего не обещал, никогда сам к ней не ходил. Все отношения с ней лишь ее инициатива. Да и отношений-то никаких после Сталинграда с ней не было. Чисто приятельские».

В полном отчаянии он схватился за голову. Таисия вызывала в нем чувство отвращения и в тоже время служила примером того, до чего может опуститься человек, пьющий постоянно. Он до одури боялся повторить ее падение. Лучше уж совсем не жить, чем жить таким ничтожеством, считал Веня.

Когда, после службы на Сахалине, они приехали на Камчатку, ее взяли в лазарет по его протекции медсестрой, но она не продержалась и года, потому что трезвой бывала очень редко. Поймали ее на воровстве спирта и хотели уволить, но пожалели, учтя ее прежние заслуги на фронте, где она спасла сотни человеческих жизней. Ее оставили санитаркой. Однако через полгода начальство вынуждено было уволить ее вообще из лазарета. Абсолютно спившуюся женщину отправили рабочей на стройку будущего госпиталя. Вот там она и трудилась в настоящее время. Но жизнь с ней в одной комнате стала невыносимой. У Венедикта часто мелькала мысль, что ему следует покончить с собой, чтобы развязать этот затянутый на его шее узел. Выбив для нее общежитие, Лешка, настоящий друг, спас его от этой участи. «А ведь все могло в его жизни сложиться иначе», – думал Веня. Мгновения счастья и любви заполняли его сердце до краев весной 1945г.

Перед глазами встала цветущая, блистательная столица Австрии – Вена. Как их там встречали! Прекрасная девушка – Тереза, учившая русский язык только для того, чтобы выразить свою благодарность русскому народу за освобождение ее родины. После знакомства с ним, после нескольких встреч, она призналась ему, что влюбилась в него, что всю жизнь ждала именно его. Он не мог поверить в такое счастье. Так и оказалось. На это счастье он не имел никакого права. Ему запретили встречаться с Терезой, предупредив, что «амуры» с иностранками могут закончиться для любого нашего офицера на Колыме. Их политрук, мужик жесткий и серьезный, провел с ним основательную беседу, и Венедикт понял, что их с Терезой любовь принесет и ему, и, прежде всего, ей только несчастье. Как она плакала, когда он рассказал ей о невозможности их дальнейших отношений. Как была прекрасна даже в своем горе. Принцесса из сказки!

«Какие у нее были косы. Огромные голубые глаза, полные любви и надежды. Ну, почему мир так несправедлив?!».

Сейчас ему было плохо, его мутило, организм требовал похмелья, но Венедикт решил взять себя в руки и не поддаваться своей слабости.

Зачем только Лешка накупил этого злосчастного шампанского, кстати по большому блату. В гарнизонном магазине работала его боевая подруга Аня. Она – то и придержала для

него пару ящиков шампанского, рассчитывая, что милый Лешенька будет лакомиться аристократическим напитком в ее компании. Лешенька подарил ей три бутылки, сказав, что все остальные предназначены для его командира, страшно разочаровав подругу. Но сказал он ей «чистую правду», поскольку командиру тоже было подарено три бутылки. Сообщив все это Вене, Лешка выразил надежду, что затарились они на пару недель. Но, кажется, после вчерашней их философской беседы у друга ничего из припасов не осталось. Они любили посидеть допоздна, обсуждая прочитанных классиков литературы, философии и искусства. Оба обожали оперу, балет. В Вене они посетили знаменитый Венский оперный театр. Вспоминали также и довоенные походы в театры в разных городах нашей страны. Рассказывали друг другу о своих бывших романтических увлечениях. Им было, о чем побеседовать. Они дорожили обществом друг друга, доверяли свои самые сокровенные мысли. Скажем, только Веня знал, что у Алексея есть семья: жена Зинаида, детский врач и дочь Лидочка. Но в гарнизоне, окружающие их сослуживцы и их семьи считали Алексея завидным женихом, не обремененным семейством. Правда, в семье у Леши все было не так гладко. Его жена наотрез отказалась покинуть Ленинград и уехать с мужем на Дальний Восток. Этот ее поступок был занозой в сердце друга, о чем он поведал лишь Венедикту, но бросать семью Леша не собирался. Он стремился найти оправдание жене, заботился о ней и дочери. Постоянно передавал им с оказией подарки и, естественно, переводил им большую часть своего оклада. По словам Лешки выходило, что они с Веней ведут праведный образ жизни. Их совершенно не в чем упрекнуть.

Веня хмыкнул, мысленно подведя итог их вчерашней праведности, и дал себе зарок покончить с подобным времяпрепровождением раз и навсегда. Однако, как было замечено ранее, подобный зарок ему приходилось давать себе довольно часто. «Слабак, – мысленно обругал он себя. – Праведник хренов».

На часах было 6 утра. Темень непроглядная. Осень подкралась незаметно. Веня оделся и вышел на улицу.

Дойдя до дома офицеров, Венедикт свернул к небольшому скверу и уселся на лавку. Закурил, раздумывая, где бы позавтракать. Через сорок минут откроется офицерская столовая, но так хотелось чего-нибудь домашнего. Он вспомнил, как вкусно его кормила мама, сколько разных блюд она умела готовить и всегда именно для него старалась состряпать что-нибудь вкусненькое. Он был ее любимцем. Их было три брата. Старший – Валентин, он – средний и младший братец Женька.

Валентин был всегда занят своими делами. Закончил Механический институт, работал инженером на Оружейном заводе. В начале войны ушел на фронт и уже в конце 1941 погиб под Москвой.

Веня был самым домашним мальчиком. Именно с ним мама всегда ходила в гости к родным и подругам. Венечка был ее гордостью. Много читал, отлично учился, посещал различные кружки в Доме пионеров. Он был прекрасным гимнастом, любил показывать всякие гимнастические трюки и приводил женское общество в восторг. Хорошенький, светленький, среднего роста. Его любили друзья и взрослые родственники, соседи. Он был очень добрым, с друзьями делился всем, что имел, как говорится, мог последнюю рубашку отдать, не жалеючи. Старикам не ленился помочь донести сумку, подать упавшую вещь, перевести через дорогу. В общем, был отличный малый и мать в нем души не чаяла.

Младший брат Женька вымахал ростом под два метра, был красив лицом, но ленив, ворочив и причинял матери немало хлопот, попадая в какие-то неприятные истории. Он был на десять лет моложе Вени и на пятнадцать Валентина. Разница в возрасте давала себя знать, и между братьями особой близости не наблюдалось.

После смерти отца вся семья жила на деньги старшего брата. Он был главой, кормильцем и воспитателем. Но времени для воспитания братьев у молодого инженера оставалось мало.

И Женька не получил никакого образования. Учился в школе плохо, постоянно прогуливая занятия.

Валентин был занят на заводе, Венедикт уехал учиться в Воронеж, мать болела и почти не выходила из дома, а Женька искал, где раздобыть денег для веселой жизни. Единственное, чему он научился, имея в друзьях Толика, парня из обеспеченной семьи, располагавшей собственной машиной, это водить автомобиль. Поэтому, когда Веня вернулся на побывку домой после Победы, он сумел через военкомат пристроить брата шофером в местном военном городке.

Мама уже была совсем плоха и просила сына не бросать оболтуса брата, помогать ему, что Веня и делал, переводя часть своего оклада непутевому братцу.

Выкурив папиросу, Венедикт решительно поднялся и пошел к своему приятелю Василию Дятлову. Тот со своей женой Верой постоянно звал его к себе на трапезы, но Веня считал это не совсем приличным, хотя часть своего пайка всегда оставлял Васе, который работал у них в лазарете завхозом и лично получал и раздавал им пайки. Сегодня Веня решил воспользоваться предложением приятеля и позавтракать в его доме, во-первых, потому что ему хотелось домашней пищи, и, во-вторых, потому что ему не хотелось оставаться одному.

Он подоспел прямо к семейному завтраку, и супруги радостно усадили его за стол.

Вера, сияя улыбкой, предложила ему домашний омлет и блинчики. У Дятловых имелись свои куры, штук десять, и поэтому Вера частенько передавала через мужа Вене яички.

– Могу еще предложить тебе пшеничную молочную кашку, – сказала хозяйка.

Ее предложение Веня воспринял с восторгом, именно молочную пшеничную кашу часто готовила им мама, а сегодня он, как никогда, желал семейного тепла, семейного завтрака.

– Вчера, – сказал Василий, – ребята в овраге за нашим домом, подобрали Таисию. Совершенно в бессознательном состоянии. Мне кажется, Веня, ее нужно положить в наркологию.

– Она не станет лечиться, – отодвигая недоеденную кашу и утратив всякий аппетит, ответил Венедикт. – Я пробовал устроить ее туда трижды. Она убегает оттуда, не выдержав и одного дня. Вчера еле выпроводил ее от себя после дежурства.

– Венечка, – вмешалась Вера, – ты бы забрал у нее ключи от комнаты.

Она встала, убрала тарелку с кашей и поставила перед ним тарелку с омлетом.

– Кушай, я сейчас тебе блинчиков положу и чаю налью.

– Все считают меня ее мужем и смотрят на меня, как на варвара. Выгнал свою жену из дома.

– У нее таких мужей, как ты – целый полк, Веня. Все это прекрасно знают, и никто не может осуждать тебя за то, что ты не желаешь ее брать себе в жены. Выкинь из головы все эти глупости. У тебя своя жизнь, у нее – своя. Тебе можно только посочувствовать, – сказал Василий.

– Ты представить себе не можешь, как я устал от нее. Иногда я думаю, что мне легче было в Сталинграде, чем здесь. Именно из-за нее. Мне ее искренне жаль, но видеть ее – выше моих сил.

– Венечка, – прервала этот тяжелый разговор Вера, – у меня к тебе есть дело. Можно обратиться к тебе, как к врачу?

– Ты что заболела? – обеспокоился гость.

– Говорят, ты теперь специализируешься на венерологии?

– Да. Знаешь, это лучше, чем хирургия. Тем более что количество больных «постыдными» заболеваниями сейчас просто катастрофически растет. Я согласился на предложение начальника лазарета. Мы ведь вот-вот станем госпиталем, и в его структуре предполагается кожно-венерологическое отделение. Возглавить отделение, по-моему, совсем неплохо. А практика лечения у меня за последние два года достаточно положительная.

– Я слышала, что ты преуспел на этом поприще, – усмехнулась Вера. – И вот поэтому хочу тебя попросить посмотреть одного мужчину из местных органов управления. Сможешь?

– Нет, частным образом я никого лечить не стану, Вера. Пойми меня правильно. Это уголовное дело. Он должен встать на учет. Иначе нам с этой заразой не справиться.

– Вень, но он хорошо заплатит, и это будет абсолютно секретно. Никто никогда не узнает об этом.

– Нет! Я на это не пойду. Официально – ради Бога! Я его вылечу. Но тайно, за деньги – нет. И никогда не обращай ко мне с такими просьбами. Ты же знаешь, что это противозаконно.

Ему было неприятно отказывать ей, но он бы перестал считать себя порядочным человеком, если бы нарушил закон. Кроме того, Венедикт был членом партии и для него это было не простым звуком, а мерилom совести и чести. Его приняли в партию под Сталинградом. Это было его гордостью. Нарушить кодекс чести значило для него не иметь права на достоинство.

Венедикт поднялся, поблагодарил супругов за вкусный завтрак и вышел из дома. Василий вышел вместе с ним.

– Ты прав, Веня, – сказал он, пожимая другу руку. – Не обижайся на Веру. Ее попросила директор школы. Она же у меня старшая пионервожатая там. Прости ее, глупая женщина. Я ей сразу сказал, что ты на это не пойдешь. Пусть этот начальничек впредь думает, с кем развлекается! Верно!

Венедикт кивнул и хотел уйти, когда к ним подошла удивительно красивая, невероятно похожая на Терезу женщина с короной из кос на голове, с большими зелеными глазами и милой улыбкой на лице.

– Здравствуйте, – поприветствовала она мужчин. – Я к вам, Василий Игнатьевич, по вопросу оформления накладных на продукты. Вы не могли бы зайти к нам в бухгалтерию?

– Я всегда готов к сотрудничеству с такой очаровательной женщиной, – засмеялся Василий.

– Так я вас жду? – спросила «очаровательная женщина» и, сказав «До свидания» Вене, отправилась на свое рабочее место.

– Кто это? – обалдело глядя ей вслед, спросил друга Венедикт.

– Наша новая бухгалтер. Пойду, подпишу бумаги. – Он протянул руку Вене, и друзья разошлись в разные стороны.

Все неприятные чувства от разговора с Верой вытеснило впечатление, которое произвела на него незнакомая коллега Василия. Перед глазами стояла женщина его мечты. Настоящая русская красавица. Кто она? Наверняка замужем. От этой мысли его затошнило. Разве могу я мечтать о такой, да и кто свяжет свою судьбу со мной после Таисии, «слава» о которой уже перешагнула границы их гарнизона. От злости на нее Венедикт сжал зубы. Он шел, и его трясло от несправедливости обстоятельств, сложившихся по его вине и порожденных его бесхарактерностью.

«Какая же я тряпка! – уничтожал себя он. – Поделом дураку. Это ж надо было согласиться взять Таисию с собой и позволить ей поселиться в своей комнате. Победа затуманила мне мозги, сыграв со мной глупую шутку. Ну дурак! Да еще терпеть ее оскорбления постоянно.

Я просто сам не могу поверить, что мог быть таким ослом. Ну почему кому-то – такие красивые женщины, достойные, очаровательные, а мне этот кошмар? И главное – сам, своими руками создал себе репутацию полного идиота. Кто может довериться такому доктору, человеку, живущему рядом с этим безмозглым, омерзительным существом. Однако есть одно «но», – одёрнул он себя, – ведь она больна, брошена всеми спасенными ею мужиками. Ну да, – с сарказмом вел он полемику с собой, – только ты у нас такой добрый, честный и верный друг, готовый свою жизнь испоганить вконец, но доказать всем свою порядочность. Брось ерничать, – уговаривал он себя, – ты поступил с ней, как с фронтовым товарищем, а она возомнила, что ты обязан и жениться на ней, чувствуя, что ты, слабак, послать ее подальше не

решишься. Вот и получай результаты своего героического поступка. Думать нужно прежде, чем «подвиги» совершать».

За этими рассуждениями он и сам не заметил, как пришел к лазарету, но вместо того, чтобы идти в корпус своего отделения, зашел в здание администрации и сразу наткнулся на начальника лазарета, подполковника Петрищева Андрея Григорьевича.

– Венедикт Петрович, – обратился к нему начальник, – зайдите ко мне, нужно обсудить штат вашего отделения и план работы на год. Говорят, что на днях мы уже получим статус госпиталя. Работы будет невпроворот.

Начальник прошел к себе в кабинет, Венедикт за ним, и не успели они начать разговор, как в дверь постучали и вошла она.

«Надо же, – подумал Венедикт, – это просто наваждение какое-то, ноги сами принесли меня сюда в надежде увидеть ее, и она появилась, как по-волшебству».

Петрищев взял из ее рук бумаги и стал их внимательно изучать, предложив даме сесть.

Она нерешительно присела на предложенный ей стул и, взглянув на Венедикта, смущенно улыбнулась ему. От ее улыбки сердце его замерло, он смотрел на нее, не в силах отвести глаза, и она, не выдержав, сама отвела взгляд и обратилась к начальнику.

– Я учла ваши замечания, Андрей Григорьевич, и думаю, что нам удастся уложиться в оговоренную сумму.

– Прекрасно, Антонина Васильевна, подготовьте мне весь необходимый материал. Завтра я лечу в Хабаровск и постараюсь выбить необходимые средства для обустройства нашего госпиталя.

– К вечеру, – сказала, вставая, Антонина Васильевна, – все расчеты и предложения по оборудованию и персоналу будут готовы.

– Спасибо, Антонина Васильевна, я рад, что мы с вами едины в главных вопросах. Мне приятно и комфортно работать с вами.

Она смутилась от похвалы начальника и быстро вышла из кабинета, поблагодарив его за такую высокую оценку ее труда.

Венедикт завороченно смотрел ей вслед, забыв, что сидит у своего командира в кабинете, совершенно не понимая, зачем он зашел сюда. Петрищев с интересом разглядывал своего подчиненного, ожидая, когда тот придет в себя. Молчание затягивалось, и Андрей Григорьевич тихо позвал:

– Ау! Веня! Ты где?

В ответ молчание. Венедикт весь ушел в свои мысли, и подполковник вынужден был подать голос руководителя.

– Венедикт Петрович, ты как себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

– А? Что? – пришел в себя капитан. – Извините, товарищ подполковник. Я сегодня не выспался и, видно, задремал, пока вы разбирались с бухгалтерией.

– Видно задремал, – согласился с ним начальник. – И сон интересный увидел, а в нем красавицу-женщину. Так вот, капитан, женщину эту забудь. Ей и без тебя в жизни досталось. Кстати, ее история очень похожа на твою. Если кратко, в двух словах, то учти следующее. Она пережила блокаду в Ленинграде. Потеряла мужа, мать, двоих братьев. Еле выжила сама и сумела спасти дочь. Естественно, что такая красавица не останется без мужского участия. Наш летчик, асс, некто капитан Соловей, будучи в командировке в Ленинграде, остановился у друзей, проживающих с ней в одном доме. Их познакомили, он предложил ей поехать на Камчатку подзаработать денег для воспитания дочери и даже выйти за него замуж. Она поехала от нужды, но замуж официально выходить за него не стала. Не хочет и сейчас узаконить их отношения. У капитана Соловья контузия, он начал сильно пить и почти каждый день устраивает дома скандалы в пьяном виде, потому что она не идет с ним под венец. Живут они в одной комнате, в землянке у тайги. Имеют пятерых соседей, которые жалуются постоянно на него

за эти скандалы и драки, учиняемые героем войны, сбившем что-то около двадцати немецких самолетов. И ей с дочерью приходится все это терпеть, деваться-то некуда. Правда начальство ходатайствует об увольнении нашего героя из армии за пьянство и аморальное поведение.

– А тебе я к тому об этом рассказываю, что не спеши предлагать свое участие ей. Ты сначала со своей Таисией разберись. Ко мне приходил Алексей Степанович Зайцев, твой друг, и просил посодействовать в обеспечении принудительного лечения от алкоголизма для нее. Я договорился в Хабаровске, в наркологии ее возьмут. Алексей сам готов ее туда отвезти. Завтра летим с ним одним бортом. Но ты не можешь оставаться в стороне, раз пригрел ее, так сказать, поучаствовал в ее судьбе. Знаешь, «мы всегда в ответе за прирученных». Пойми, я тебя не осуждаю, но одобрить твой поступок не могу. Тебе голова для того и дана, чтобы думать, прежде чем совершать «геройские» поступки, – повторил начальник его собственные мысли. – Я вообще не понимаю, что значит взять с собой на новое место службы женщину, которая тебе не нужна? Это, прости меня, называется не жалость, а садизм какой-то. Извини!

Петрищев опустил голову и дернул головой, как бы стряхивая с нее грязь.

Венедикту было до того тошно, что он чуть не плакал.

«Он прав, – думал несчастный капитан. – Я и сам знаю, что болван».

Но, собрав силы и набрав в грудь побольше воздуха, он сказал:

– Все правильно, Андрей Григорьевич. Я, с вашего позволения, воспользуюсь нашей связью и свяжусь с Игорем Хабенским. Он мне не откажет и устроит ее лучшим образом.

– Вот и прекрасно, Веня. Я понимаю, что тебе тяжело самому ее везти чисто морально, но помогать ей ты, тем не менее, должен.

Он тяжело вздохнул.

– Вот они итоги войны: исковерканные судьбы и искалеченная психика людей. Все мы, в той или иной степени, невольные жертвы этого страшного зла.

– Иди, друг, выполняй долг перед женщиной, которая добровольно принесла себя в жертву, спасая наших ребят и подвергая себя ежеминутно, ежесекундно смертельной опасности. Она полностью опустошена, она отвратительна не только тебе, но и всем окружающим ее людям, но мы помним, что она – наш боевой товарищ, не предавший нас в тот трудный час.

Венедикт пошел в штаб к связистам. Ему повезло, Игорь был на месте и страшно обрадовался, услышав голос своего спасителя, вернувшего его буквально с того света. Когда Веня изложил ему свою проблему, он заверил друга, что сделает все возможное и невозможное для Таисии, которая вытасила и его самого из той страшной мясорубки. Его обещание несколько успокоило Венедикта, и он отправился в свое отделение. Пора было начинать обход больных.

Вечером, когда Алексей зашел к нему на огонек, Веня рассказал ему о своем знакомстве с Антониной Васильевной и о том, что Петрищев запретил ему даже думать об этой женщине, что Андрей Григорьевич много говорил о тяжких последствиях войны, назвав всех их жертвами того зла, которое несет война.

Лешка долго молчал, обдумывая, а затем сказал:

– Он абсолютно прав. Я вот думаю, что эхо этой войны будет слышно на Руси еще лет сто. Да и не только в нашей стране. Возьми хоть Терезу, разве она не жертва войны, разве вы с ней не принесли в жертву этому тяжелому времени свою любовь. А сколько людей во всем мире погибли, стали калеками, алкоголиками, остались вдовами или вдовцами. Невозможно представить себе их количество. Но мы с тобой, Веня, выстоим непременно. Я в это свято верю! И, более того, будем счастливы и здоровы.

– Ты знаешь, что я лечу, сопровождая Таисию, одним бортом с Петрищевым. Как он тебе? Нравится? – поинтересовался друг.

– Да. Я его уважаю. Главное, что он человек порядочный, короче, правильный мужик.

– Я тоже так думаю, – поддержал друга Алексей. – После разговора с ним и его участия в устройстве Таисии, я понял, что не все начальники – подхалимы и самодуры. Тебе повезло, Веня, с ним.

– Меня мучает совесть, что я сам не лечу с ней в Хабаровск, Леша, но, с другой стороны, если бы полетел я, она бы точно выкинула фортель с побегом. Вот ведь вляпался как!

– Я тебе так скажу. Ты лететь не должен ни в коем случае. Кроме разборок и грандиозного скандала, это мероприятие в твоём присутствии не кончится ничем. И прекрати мучиться совестью. Ты ей ничего не должен. Она это понять не в состоянии, но ты уясни для себя этот факт раз и навсегда. Раз Хабенский взялся нам помочь, я думаю он ее хорошо устроит и проследит, чтобы лечение пошло ей на пользу. Кстати, он перед ней в таком же долгу, как и все, кого она вынесла с поля боя. Так что не переживай, друг. Пока я ее не размещу с максимальными удобствами, оттуда не улечу. Я договорился со своим командиром, он дал мне на это дело трое суток. Так что все будет в полном порядке. Мы поможем ей и будем держать в поле зрения до полного ее излечения. Нужно верить в лучшее, Веня. Иначе жить трудно.

Разговор коснулся и Антонины, и Веня сообщил другу, что бедная женщина попала почти в такую же ситуацию, как и он.

– Если бы ты ее видел, Леша. Королева! И держится так, что никто и не подумает, что какой-то несчастный летчик-алкаш отравляет ей жизнь и жизнь ее ребенка каждый божий день. Ты хоть знаешь этого героя?

– Знаю. Отличный летчик, прекрасный друг. Никогда не бросит и не подведет товарища. Но тоже жертва войны, ее эхо. Контузия в голову. Не мне тебе рассказывать, что это такое. Я, честно говоря, вообще не понимаю, как он смог выкарабкаться и вернуться в дивизию. А знаешь, до контузии он совсем не пил. Мне кажется, что он очень любит эту женщину, а она не желает узаконить их связь. Он боится ее потерять, пьет и опускается все ниже. И ведь если его спишут на землю, он пропадет. Поверь мне, дружище. Женщину тоже понять можно. У нее ребенок, она осознает, что могла бы принести себя в жертву, если хоть немного любит его, но она не имеет права приносить в жертву такому ненадежному человеку жизнь своей дочери. И тут, как правильно сказал тебе Петрищев, я ее не осуждаю, но и одобрить ее поступок по отношению к нему не могу. Зачем было ехать с таким другом на край света? Сразу подумать о дочери она не могла?

– Она хотела вылезти из нищеты, Леша, подзаработать денег для содержания и воспитания дочери, – сразу вступился за нее Веня.

– Не буду с тобой спорить, Венедикт, в конце концов, это ее личное дело, и расплачивается она за свой необдуманный поступок. Но Ивана Соловья мне по-товарищески очень жаль. Сколько еще людей коснется эхо войны. Страшно подумать, что их будут миллионы. Вот она – цена войны.

Ох, как дорого мы за нее заплатили и будем платить еще очень долго!

Глава 2

Прошло три года. Венедикт возглавлял кожно-венерологическое отделение уже в звании майора. Вся его жизнь в это время была посвящена изучению «позорных» болезней и методов их лечения.

Еще будучи в Вене и даже не представляя своего будущего, как врача, он приобрел старинную книгу, посвященную этим проблемам на немецком языке. Но знание языка у него было посредственным, а ознакомиться с содержанием фолианта хотелось ужасно. На помощь, как всегда, пришел лучший друг Леша, у которого были приятели и среди шифровальщиков, и среди переводчиков. Они ему подсказали, кто из их коллег сможет наиболее точно выполнить перевод столь специфичного издания в области медицины. Им оказался капитан Воронин Владимир Владиславович. Но Воронин, ссылаясь на большую загруженность по службе, не хотел браться за эту работу. Как найти к нему подход, чтобы заинтересовать человека в таком нелегком труде? Венедикт ломал голову, но не находил ответа. И как-то за ужином в доме офицеров Лаврову посчастливилось сидеть за одним столом с другом Владимира, Сергеем Зотовым. Зашла речь о мясном рагу из медвежатины, которое в офицерской кухне готовили отменно.

– Где только они медвежатину эту берут? – недоумевал Венедикт. – Боюсь, что это просто мясо бычка или лошадки.

– Обижаете, дружище, – сказал Сергей. – Этого медведя дому офицеров доставили наши ребята, охотники. Мой друг Владимир чуть с ума не сошел от зависти. Он заядлый охотник, но вот ружья у него хорошего охотничьего нет.

– Ты что, о Владимире Воронине толкуешь? – заинтересовался Веня.

– О нем, голубе сизокрылом. Он на любого зверя пойдет, но амуниции нет, – с сочувствием заметил Сергей.

Когда вечером Веня рассказал о разговоре Алексею, тот подсказал Венедикту путь к получению перевода.

– Ищи связи на оружейном заводе, добудь Вовке отличное ружье, а он, я уверен, ночи спать не будет, станет переводить твой шедевр.

Венедикт написал своим школьным друзьям, и лучшее, инкрустированное серебром ружье, собранное руками отличного оружейного мастера, было передано через Лешкиных коллег Венедикту.

Увидев ружье, Владимир просто заболел желанием заполучить его в свои руки, и работа по переводу фолианта сдвинулась с места. Часть за частью, глава за главой передавались Венедикту ежедневно. Веня с головой ушел в изучение получаемых от Владимира, текстов. Процесс познания старинных тайн лечения доставлял ему ни с чем несравнимую радость. Однако жизнь, как часто бывает, внесла свои коррективы в самообразование Венедикта, дополнив теорию практическими результатами лечения.

5 ноября 1952 года в пять часов утра произошло землетрясение в Тихом океане возле южного побережья Камчатки, за которым последовало цунами, обрушившееся на Курилы, Сахалин и юг Камчатского полуострова. Наибольший ущерб был нанесен Курильским островам. Северокурильск был практически снесен с лица земли. По официальным сводкам погибли 2638 человек.

Для помощи населению были сформированы части из военнослужащих Камчатки и Сахалина.

В командировку направлялись, прежде всего, спасатели и врачи. Майор Лавров был прикомандирован в группу военных медиков на Курилы. Сам Венедикт отнесся к этому заданию крайне отрицательно, недоумевая, зачем врача его профиля нужно было включить в бригаду. Но, как говорится: «никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь».

Буквально через пару дней Венедикт был искренне рад, что ему повезло попасть на Курилы. С ним на второй же день произошла весьма загадочная или, точнее, неожиданная история. Возвращаясь с обеда в общежитие для офицеров, он с двумя своими коллегами решили сократить путь и пошли пустырем, который после второй, самой сильной волны землетрясения, был расколот огромной трещиной в земле. Естественно, ни Венедикт, ни его коллеги Виктор и Александр не догадывались об этом. Упершись в расщелину, они встали, не зная, что делать: попробовать как-то перебраться на другую ее сторону или возвращаться назад и идти в обход, не сократив, а дважды увеличив свой путь. За ними остановился в такой же нерешительности молодой сержант. Идти в обход не хотелось, но и перемахнуть через двухметровую щель в земле не представлялось возможным. Так они и стояли, закулив папиросы и советуясь, как разумнее поступить. По всему выходило, что придется возвращаться. Внезапно Виктор попросил всех замолчать. Он объяснил, что ему послышался стон, исходящий из разлома. Все затихли. Венедикту тоже почудилось, что там в расщелине, кто-то стонет. Минут через пять все сошлись во мнении, что, действительно, звук, похожий на стон, исходит из-под земли. Что делать?

Венедикт, как старший по званию, принял решение проверить ситуацию, для чего спуститься в разлом.

– Разрешите мне, товарищ майор? – тут же подал голос сержант.

– Виктор, – обратился Венедикт к коллеге, – ты веревку с собой не прихватил, случайно?

– Есть немного, – ответил тот, доставая из вещмешка моток веревки.

– У меня побольше будет, – полез в свой мешок Александр и вытащил более внушительный моток.

– Сержант, мы вас спустим сейчас, но вначале возьмите мой фонарик, большой моток веревки мы вам сейчас пристроим, а на малом куске попытаемся спустить вас. Как ваше имя? – поинтересовался Венедикт.

– Федор Быстров, – ответил сержант.

– Прекрасно, Федор, вы только при малейшей загвоздке дайте нам знать. В общем, прошу вас постоянно держать нас в курсе своих действий. Мало ли, что там может случиться.

– Не беспокойтесь, товарищ майор. Все сделаю, как надо. Да и не глубоко здесь, чувствую я.

– Ну, тогда вперед, Федя! – скомандовал Венедикт.

Через пару минут раздался голос сержанта.

– Черт возьми!

– Что случилось, Федя! – закричал майор.

– Да наступил я на нее. Вот ведь, где она мне попала, сифиличка проклятая. Точно, это она.

– Федор, товарищ сержант, что вы там за чушь несете? Вы что, медик, чтобы диагноз ставить? Докладывайте, как положено, что там у вас происходит? – раздраженно рявкнул Венедикт.

– Я не медик, товарищ майор, но у нас же здесь японцами подарок оставлен. Почти все женское население больны разными венерическими заболеваниями. Теперь и половина рядовых от них заболела. А эту я у нас в части поймал однажды. У нее уже и все признаки на лице. Друг мой из-за нее страдает.

Услышанное так взбудоражило воображение майора, что он, не подстраховавшись, сбросил гимнастерку и прыгнул вниз. Сержант буквально поймал его сбоку от лежащей внизу женщины.

– Ну-ка освети мне ее, друг!

Федор направил весь свет на нее.

– Их не спасать надо, – зло проревел он, а убивать.

– Успокойся, Федор! Свети получше!

Он долго рассматривал женщину. Прослушал сердце. Пульс был слабый и редкий.

– Веня, – не переставал взывать к нему сверху Александр. – Что ты там молчишь? Нам спуститься к вам?

– После этих слов Венедикт наконец-то отвлекся от пострадавшей.

– Ты что, сдурел? – закричал он. – А кто нас всех отсюда вытаскивать будет?

– Федор, привязывай ее и приподними сколько сможешь.

Федор выполнил приказ.

– Тащи, Саша! – прокричал Венедикт, и в следующую минуту раздался его крик: «Ой!» и тяжелый стон.

– Товарищ майор ногу сломал, – заорал Федор. – Он оступился, здесь какой-то ход был в сторону.

– Веня! – закричал Виктор. – Сейчас мы тебя вытащим.

Но Венедикт молчал, он потерял сознание от непереносимой боли. Федор снял с себя веревку и перевязал ею майора, потом поднял его и крикнул:

– Поднимайте!

Виктор и Александр вытащили всех троих. И хотя им очень нелегко было доставить Венедикта и пострадавшую женщину в медсанбат по вдвойне удлинившейся дороге, но они с этой задачей справились. Венедикт пришел в себя и от каждого движения несущих его товарищей закусывал губы, искушав их до крови. Кроме того, он все порывался вскочить и хоть ползком, но добираться самому, понимая, как нелегко приходится его товарищам тащить такой груз.

– Вот ведь дурак, – ругал он сам себя, – не мог подождать наверху!

Да и Виктор без конца ругал его всеми словами, которые только помнил, постоянно причитая:

– Вот ответ мне, Венечка, какого черта ты полез вниз? Без тебя там явно не справились бы! Как же ты облегчил нам задачу, нетерпеливый ты наш! Небось, медаль мечтал получить за свой подвиг?

В конце концов, он так надоел Александру, что тот подал ему свою пилотку и спросил:

– Этого кусочка ткани будет достаточно, друг Витенька, что заткнуть тебя?

Венедикт, пересиливая боль в ноге, хмыкнул и пообещал друзьям непременно рассчитаться с ними, как только встанет на ноги.

По прибытии в медсанбат, однако, выяснилось, что ничего страшного не произошло. Нога просто вывихнута и давала такой болевой синдром из-за сдвинувшегося в самое неудобное положение сапога. Придется пару дней обеспечить ноге относительный покой, и боль стихнет. Но пока боль не проходила, она мучала Лаврова в течении всей командировки, и Венедикту пришлось опираться на костыль, потом на палку, выструганную для него друзьями.

Тем не менее, найденная кореянка и поголовный осмотр личного состава позволили выявить очень высокий процент заболеваемости венерическими болезнями на Курилах. После разговора по телефону с Петришевым Венедикту следовало отправить 80% заболевших в Хабаровск. А ему так хотелось забрать их в свое отделение. Но Андрей Григорьевич приказал майору опомниться и не забывать, что его отделение может разместить у себя не более тридцати человек.

– Забирай их! И возвращайся, как можно быстрее. Работы в госпитале сейчас много, а врачей не хватает. Тебе придется курировать сейчас еще и инфекционное отделение, – приказал начальник Венедикту. Начинался очень ответственный этап его работы, и Венедикт стал готовить больных к перелету.

Все было готово, большая часть спасенных, раненых и больных венерическими заболеваниями покинули Курилы, и через несколько часов должен был состояться вылет на Камчатку в аэропорт Елизово. Уставший, но довольный проделанной работой Венедикт лежал в своем

номере, просматривая истории болезни своих будущих пациентов, когда к нему заглянул Виктор.

– Все коптишь над своими бумагами? – обратился он к товарищу.

– Пошли-ка, прогуляемся не далеко по лесу, здесь, говорят, соболя до черта, может нам повезет, и мы подарки своим бабам привезем.

– Мне эти подарки без надобности, – ответил Венедикт, – но проветриться перед полетом можно. В прошлый раз меня так умотало в самолете, что сошел на землю на ватных ногах.

Он поднялся и, все еще опираясь на палку, пошел с Виктором на свежий воздух.

Они шли молча, думая каждый о своем, и изредка перебрасывались парой, тройкой слов.

Давала себя знать усталость от тяжелой, проделанной ими в командировке, работы. Венедикт полностью погрузился в мысли о применении тех методов лечения, которые почерпнул из большей части переведенного немецкого фолианта, и очень удивился, когда шедший рядом с ним товарищ, остановился и сказал:

– Веня, мне нужно серьезно поговорить с тобой. Я хочу доверить тебе тайну, о которой никто не должен знать. Дай мне слово, честное офицерское, что никто не узнает о нашем разговоре, и что ты выполнишь одну мою просьбу, совсем необременительную для тебя.

Венедикт, все еще не вернувшийся из своим размышлений, удивленно посмотрел на Виктора.

– Даю слово, что никому ничего не расскажу, но по поводу просьбы ничего не могу обещать, пока не услышу в чем собственно ее суть. Говори, не темни, что ты от меня хочешь?

Виктор сильно нервничал, это было так заметно, что Венедикт положил ему на плечо руку и дружески подбодрил товарища:

– Рассказывай, что случилось?

Виктор, неуклюже переминаясь с ноги на ногу, все никак не мог решиться.

– Пошли обратно, – сказал Венедикт. – Скоро вылет. Если надумаешь мне что-то сказать, я всегда к твоим услугам. А сейчас давай возвращаться. И он повернулся, чтобы идти к гостинице.

Виктор схватил его за руку.

– Ловлю тебя на слове, что ты всегда готов мне помочь. Я правильно понял?

– Само собой, – ответил Венедикт.

– Короче, – наконец решившись, произнес Виктор. – Я того, Веня, подхватил где-то ту самую болячку, по которой ты у нас спец. Выручай друга. Сам понимаешь, меня нужно срочно вылечить. Моя Галька уже пристаёт, что это я как муж с ней не общаюсь. Узнает – и конец моей семье, да и службе, сам понимаешь.

– Ну вот, что я тебе скажу, Виктор. Лечить тебя частным образом, тайно я не имею никакого права. Поэтому, прости меня, но единственное, что я могу для тебя сделать, это ходатайствовать за тебя перед начальником госпиталя, чтобы тебя положили к нам, не докладывали об этом ЧП наверх. Хотя навряд ли он согласится. В любом случае, Галину тоже заставят пройти обследование. И лучше всего тебе самому во всем ей признаться.

– Да ты соображаешь, что говоришь? – заорал на него Виктор. – Между прочим, ты на эти обследования попадешь вместе со мной, понял? Ты источник заразы. Твоя Тайка мне так и сказала, когда я пришел к ней, чтобы прибить эту суку. Она мне сообщила, что ты ее заразил. Так что не выпендривайся, а принимайся за дело. Твоя сука сама под меня подлезла. В общем, в твоих интересах вылечить меня тайно, – чуть ли не смеясь в лицо Венедикту, злорадно прошипел Виктор.

– Я не стану ничего объяснять тебе, но меня никакое обследование не страшит, – засмеялся Венедикт, хотя внутри у него все перевернулось, и ему было совсем не до смеха.

Он не чувствовал за собой никакой вины. Он не жил с Таисией, как с женой, но перспектива объяснять все это начальству ему совсем не нравилась. «Господи, за что мне все это?», – мысленно обращался он к Богу.

Он повернулся и пошел к гостинице.

– Стой! – закричал Виктор. – Я сейчас пристрелю тебя, гад.

– Валяй! – не оборачиваясь, ответил Венедикт, но сердце его сжалось. От этого психа можно ожидать все, что угодно. Однако на поводу у него он не пойдет никогда.

– Я застрелюсь сам, и пусть моя смерть будет на твоей совести! – заорал Виктор.

– Стреляйся! – Венедикт не остановился, его охватило чувство омерзения к бывшему товарищу и бывшей подруге. Ярость застилала глаза. Он шел прямо через кустарник, обдирая руки и лицо, шел, не замечая крови и боли, когда его догнал звук выстрела. Венедикт остановился и непонимающе огляделся. Вокруг никого нет. Он ощупал себя. Нет, его пуля не задела. Он стал всматриваться, стараясь увидеть своего врага. Но Виктора было не видно. И тут он увидел человека, идущего ему навстречу. Он опустился на землю и стал ждать, когда тот подойдет к нему.

У него вдруг ужасно заболела вывихнутая нога, видимо, пробираясь через кустарник, он опять оступился. Он стиснул зубы, пытаясь подняться, когда чьи-то сильные руки подхватили его и помогли встать. Он застонал от боли и схватился за руку, поддерживающую его.

– Кто стрелял, Веня? – спросил Александр.

– Виктор. Он там! – показал Венедикт другу направление, где оставил своего бывшего товарища.

– А что он там делает?

– Хотел застрелить меня, потом себя. Чем сейчас он занят, я не знаю.

– Стрелял в тебя? – удивился Саша.

– Обещал убить меня, потом себя. Больше ничего не знаю.

– Но за что?

– Спроси у него сам. Я, кажется, опять ногу вывихнул.

Он отпустил руку Александра и сам опустился на землю.

Александр попросил его лечь и быстрым движением дернул больную ногу так, что у Венедикта искры посыпались из глаз. Крик его был столь ужасен, что Александр упал с ним рядом.

– Ну ты даешь! Я чуть инфаркт не получил. Ладно, потихоньку приходи в себя и двигайся к гостинице. Там уже автобус за нами приехал, а я пойду посмотрю на нашего героя.

И он, быстро поднявшись, пошел искать Виктора.

– Виктор лежал на траве в луже крови, глаза его были закрыты. Александр приложил ухо к сердцу, оно билось, пульс прощупывался, Виктор дышал нормально. Тщательно осмотрев раненого, Александр снял с себя гимнастерку и, бережно уложив Виктора на нее, попытался тащить его, но ничего не получалось. Он снял с себя нижнюю рубашку, связал с гимнастеркой, но никак не мог сдвинуть с места тяжелое тело товарища. Услышав его слабый стон, Александр решил, что Виктор пришел в себя, но чье-то прикосновение к его плечу, опровергло эту мысль. Обернувшись, он увидел Венедикта, подползавшего к ним. Именно он издавал этот звук.

– Вот тебя мне только и не хватало для полного комплекта. Что я теперь с вами двумя стану делать?

– Со мной все в порядке, – ответил Веня. – Просто нога пока не хочет ходить, но я ползком буду тянуть вместе с тобой. Давай, еще мою гимнастерку свяжем с твоей.

Но продвижению это мало помогало. Однако где-то через полчаса они, совершенно обессиленные, добрались до того места, где Венедикт встретился с Сашей. Но сил на дальнейшее передвижение у них не было.

– Давай я схожу за помощью, а ты побудь с ним здесь. Надеюсь, вы не перестреляете друг друга? – сказал Александр. – И, качаясь от усталости, но стараясь при этом почти бежать, отправился за подмогой.

Через час Виктора отправили в Хабаровск. Он целился себе в сердце, но, к счастью, не попал. Кровь остановили, а на дальнейшее лечение отправили в хабаровский госпиталь.

Той же ночью группа прикомандированных врачей и спасателей из Елизово вернулась в свое постоянное расположение.

Глава 3

После возвращения домой Венедикт долгое время прихрамывал и ходил с палочкой.

Но это не мешало ему всего себя отдавать интересному делу. В его отделении больные выздоравливали удивительно быстро. Именно он, помимо назначения таблеток, инъекций и физиотерапии, стал проводить восстанавливающую психотерапию. Откровенные беседы с пациентами отделения, выявление и устранение стрессовых причин болезни, разработка программ здорового и интересного досуга, все это в комплексе приводило к отличному результату. Венедикт был до того загружен работой, что плохое настроение, страшные сновидения, боли в сердце – все это ушло из его жизни, и, несмотря на постоянную занятость, он успевал посещать занятия по волейболу, борьбе и бильярду, которые проводились в доме офицеров.

Жить стало интересно, что сказалось и на его внешнем облике. Первыми заметили его преобразование работающие рядом с ним женщины, в основном, медсестры, которые постоянно делали ему комплименты, заигрывали и намекали, что очень желали бы поближе сойтись с таким интересным мужчиной. Он отшучивался, но на какие-либо отношения не решался. Сказать честно, Венедикт просто боялся сблизиться с любой женщиной, помня сколько горечи ему пришлось хлебнуть из-за фронтовой дружбы с Таисией.

Однако вначале сентября, когда на Камчатке наступал самый курортный сезон, и солнце светило ярко, мягкое тепло согревало душу и сердце, осенние пейзажи завораживали своей сказочной красотой, а ночное небо украшали россыпи огромных звезд, как бриллианты и жемчуга на синем бархате изящных шкатулок, Венедикт был приглашен на торжественный ужин в дом своих друзей – супругов Дятловых – по случаю дня рождения хозяйки дома.

Выбрав в военторге по большому благу лучшую пару лакированных туфель, размер которых был тайно выведен его медсестрой у мужа юбиляра, прикупив шампанского и конфет, он во всеоружии отправился на праздник.

Вера бросилась обнимать и целовать гостя, который уже полгода не посещал друзей. Она развернула его подарки и от вида туфелек, о которых, как она сказала, мечтала всю жизнь, вдруг разрыдалась и убежала на кухню, где ее подружки, пришедшие поздравить хозяйку, помогали готовить и украшать блюда, подаваемые на стол. Они так старались, что творения их рук выглядели, как произведения искусства, настолько они были аппетитны и красивы.

Обескураженный ее слезами Венедикт, слабо улыбаясь, вопрошал, чем он так обидел хозяйку дома, пока вышедшая из кухни Антонина Васильевна не сообщила, что Вера просто поверить не может, что нашелся хоть один мужчина, который просто уловил ее мечту и даже размер ее ноги угадал точно, что она очень растрогана и просит гостей простить ее глупые слезы. Следом за Антониной вышла сама Вера в новых туфельках на небольшом каблучке и, подойдя к Венедикту, поцеловала его в щечку, благодаря за чудесный подарок.

Она усадила дорого гостя рядом с Антониной, которая после отбытия из гарнизона ее друга, частенько бывала у Дятловых. А ее дочь Марина вообще души не чаяла в тете Вере.

Антонина, как показалось Венедикту, стала еще красивее, чем была. Она совершенно не пила спиртного, и Венедикт, как галантный ухажер, не переставал наливать ей сидро, которое женщина просто обожала. Она рассказала соседу, что с детства лимонад считала лучшим, царским напитком, но баловали ее с братьями и сестрами этим превосходным нектаром в семье чрезвычайно редко. Слово за слово и к концу пиршества Веня уже читал ей стихи Есенина и пел романсы на слова своего любимого поэта. Естественно, что он пошел и провожать ее домой, а по дороге пригласил даму сходить с ним на концерт известного певца Леонида Утесова, который должен был приехать к ним с гастролями в Дом офицеров через две недели. Антонина, теперь уже просто Тоня, с радостью приняла это предложение.

Он не спал всю ночь. Мысль, что эта красавица, умница, скромница обратила на него внимания, не давала ему покоя. Ему казалось, что все его надежды несбыточны, что в гарнизоне полно красивых офицеров и чином повыше, чем у него, и они непременно, обязательно уведут Тоню от него. Промаявшись до утра, он отправился к другу Лешке, который ночью должен был вернуться из командировки в Хабаровск.

Лешка, действительно, прилетел в три часа ночи и просто свалился от усталости, но другу обрадовался, несмотря на его неприлично ранний визит. Сразу же вскипятит чайник и сварил кофе.

Затем передал другу все Хабаровские новости, из которых Веня узнал, что Виктор уже поправляется, что его жена Галя прилетела к мужу и прошла обследование. Она простила мужа и обошла все начальство, умоляя закрыть глаза на болезнь ее непутевого супруга и, как сказал Алексей, дело обещают замять.

– Но почему эта сволочь хотел тебя застрелить?

Венедикт неохотно рассказал другу о своем злосудии. Тогда Леша вынул из планшета маленькую записку и вручил ее другу.

– Это тебе от этого малахольного, – сказал он.

Венедикт развернул малюсенький клочок бумаги и прочел: «Прости меня, Веня! Я полный идиот. Спасибо за протекцию. Хабенский мне очень помог. Не поминай лихом, дурака. Всего наилучшего!».

– Пишет, что Хабенский ему очень помог, – сообщил Венедикт.

– После того, как Игорь чуть не дал ему в морду, – заметил Алексей.

– За что? – удивился Веня.

– Он признался, что хотел стрелять в тебя за отказ его вылечить. На что Игорь сказал, что если бы он это сделал, то пожалел бы что на свет родился. Потому что Игорь достал бы его даже на краю земли и убил бы обязательно. И знаешь, почему? Потому что его друг Венька Лавров – настоящий герой, который спас тысячи жизней в Сталинграде. Если бы он был в правительстве, то таким ребятам, как ты Венечка, присваивал бы звание Героя Советского Союза, потому что ты больше всего желал помочь каждому раненому и отдавал все свои силы этой тяжелой работе.

«И это не пустые слова, а мысли человека, который остался жив благодаря Венедикту. И мне так хочется съездить тебе по морде! – сказал Игорь Виктору. – Только Венька мог просить помочь такому мерзавцу, как ты, и я имел несчастье пообещать ему это».

– Все это мне рассказал сам Виктор. Он искренне жалеет о своем поступке.

– Ну а Таисия как там?

– Совсем спилась. Но уверяет, что никогда не говорила Виктору, что ты заразил ее. Клянется, что вообще с ним не была. Но какая ей может быть вера. Она половину своих «поклонников» не помнит. Жуткая картина, Венедикт. Встреча с ней не для слаонервных. Вот тебе пример отголоска этой проклятой войны. И ведь женщина она была добрейшая, отзывчивая на чужую боль и беду. Жаль ее до невозможности.

Алексей нервно затянулся папиросой, и было видно, что поездка в Хабаровск и встреча с Таисией дали ему тяжело. Он искренне расстроен болезнью их фронтовой подруги. Венедикт, сам переживавший за Таю, почувствовал себя предателем. Ведь он шел поделиться с другом радостью от встречи с Антониной Васильевной, тревогой за возможность их совместного будущего. Ему стало стыдно за свое счастье. Лешка взял на себя заботу о Таисии, хотя он сам должен был бы встретиться с ней. Но, к сожалению, она любое проявление внимания к ней с его стороны расценивает как обязанность его женитьбы на ней.

Венедикт тоже закурил, начав нервно ходить по комнате. Лешка понял, о чем думает друг, и сказал:

– Мы правильно поступили, решив, что я, а не ты встречусь с ней. Ее очень жаль, но из этого не следует, что ты, Веня, должен загубить свою жизнь, женившись на ней. Один вопрос, если бы она хотела освободиться от своей зависимости от алкоголя, и другой, что она вовсе не желает этого. Хотя и в том, и в другом случае жениться без любви, испытывая постоянную неприязнь к женщине, просто подло. Ну да Бог с ней, с Таисией. Рассказывай, что у вас здесь нового, ты же пришел сообщить мне что-то из последних новостей.

И Веня поведал ему о вчерашнем празднике у Дятловых, о встрече с Антониной Васильевой, о том, какая она скромная, светлая и красивая женщина.

Друг слушал его, улыбаясь и не прерывая его восторженного повествования, и Венедикт насторожился.

– Что это ты лыбишься, не одобряешь или смеешься надо мной?

Алексей подошел к нему и, крепко обхватив друга, попробовал приподнять над полом. Но Венедикт, несмотря на все еще побаливающую ногу, твердо стоял на полу. Между друзьями началась борьба, в которой не было победителей. Друзья были почти равны по силе, хотя по умению уворачиваться от внезапного натиска, Веня превосходил Лешку. Хохоча, они повалились на пол, и Лешка сказал:

– Я рад за тебя, Венька. Анастасия – женщина достойная и приятная во всех отношениях. Мне она тоже нравится, но насчет того, что у нее много ухажеров, а ты ничего из себя не представляешь, ты, брат, кокетничаешь. Только что ты показал, что тебя победить не просто. Ты во всех делах у нас парень упертый. Сказал, как отрезал. Ведь к тебе даже подойти по поводу лечения вне стен госпиталя мужики боятся. Некоторые даже пристрелить хотят. А тебе все нипочем. Так что навряд ли тебя кто-то перебьет и в покорении сердца красавицы.

– Но это совсем другое, – обиделся Веня. – Что ты сюда мое отношение к своему долгу приплетаешь. Каждый врач, я думаю, понимая опасность этой заразы, поступал бы так же, как и я. Я тебе совсем о другом говорю, что недостойн я такой красавицы, и не полюбит она меня никогда.

– Эх, Веня, Веня, дурак ты, думая, что ты чем-то хуже других ребят. И, кстати, далеко не все врачи поступают также, как ты. Многие из создавшегося трудного положения в борьбе с этой заразой извлекают немалую прибыль для себя, потому что нет в них чести и совести. Вот и подумай, кто из вас достойнее. И Антонина, я уверен, предпочтет деньгам достойного человека.

– Ты думаешь? – неуверенно спросил Венедикт.

– Я в этом уверен. Она вон с Донцовым вступила в спор, когда тот хотел часть государственных средств пустить на обустройство квартир начальства. Если бы не Петрищев, тот бы уволил ее запросто. Повезло вам с Петрищевым. Настоящий мужик! Ладно, давай завтрак готовить, а то тебе уже в госпиталь пора.

И Алексей принялся за дело.

Глава 4

Наступала пора летних отпусков, и главный врач госпиталя, оценив огромную работу начальника Венерологического отделения, решил сделать приятное Венедикту Петровичу, отдав приказ о предоставлении ему заслуженного отпуска. Кроме того, согласно приказу начальника, ему выделялась путевка в санаторий города Сочи и были оформлены бесплатные проездные документы.

Венедикт же был этим решением очень расстроен.

– Дел невпроворот, а он меня в отпуск отправляет, – возмущенно сообщил он Алексею.

– Вень, не валяй дурака, ты же еще не жил нормальной человеческой жизнью с самого начала войны. И не разу в жизни не ходил в отпуск. Ты должен быть счастлив, что твой начальник так позаботился о тебе, прекрасно понимая, что твой организм не железный. Когда начинается отпуск?

– 3 июля. Но, если бы ты знал, как мне не хочется именно сейчас улетать, – признался он другу.

– Из-за Антонины?

– И из-за нее тоже. У нас только-только начали складываться теплые, доверительные отношения, мы стали постепенно узнавать друг друга. Мне даже показалось, что я ей нравлюсь, и вдруг этот отпуск на голову свалился. Уеду и потеряю женщину своей мечты. Пока я буду в отпуске прохлаждаться, здесь найдутся отважные ребята и уведут ее в два счета.

– Я прослежу, чтобы ничего подобного не случилось. Надеюсь, мне ты можешь доверить ее?

Кстати, ты можешь полететь со мной до Хабаровска, я как раз лечу 3 июля в Хабаровск, а оттуда на Сахалин. Из Хабаровска захвачу самого командующего округом. На Сахалине какое-то важное совещание будет проходить. Полетишь нашим бортом. В Хабаровске я тебя пристрою к местным ребятам, они тебя домчат на материк, а там, я надеюсь, ты не заблудишься, до Сочи сам долетишь? – смеясь спросил он.

– Сначала на родину. Хочу брата своего непутевого навестить, может, и с собой его на отдых возьму.

– Ох, Венька! Лучше бы тебе на юг безо всякой обузы смотаться и отдохнуть ни к кому не принаравливаясь. Но тебе виднее. Держи меня в курсе. Если что понадобится, телеграфируй. Отдыхай спокойно. Об Антонине не беспокойся. Ты улетаешь всего на месяц. Если за месяц она тебя забудет, то грош ей цена, считай, что сам Бог тебя предупреждает о том, что это не твоя женщина. Будь настоящим мужиком и не распускайся. Положись на свою судьбу. Разлука – самая лучшая проверка ваших с ней чувств. А то, может, сам еще на материке встретишь какую-нибудь красавицу и забудешь Антонину. Такое в жизни тоже случается, поверь мне.

Венедикт от возмущения аж позеленел весь.

– Хорошего же ты обо мне мнения. А еще друг называется!

– Не кипятись, а то взлетишь! – расхохотался Алексей. – Я ведь к тебе, Венечка, подмазываюсь в надежде, что ты по-дружески съездишь в Ленинград, навестишь моих, передашь им подарки, посмотришь, как они там живут и все честно мне расскажешь. Сможешь для друга сделать доброе дело? Дорогу до Ленинграда и обратно я оплачу.

– Лешь, а тебе не стыдно было вот это мне сказать? Я что для друга денег на билет пожелаю?

– Да я просто стараюсь заинтересовать тебя. Ты в Ленинграде был?

– Не довелось. Но для друга я даже в любую Тмутаракань готов отправиться.

– Вот туда не надо, а в Ленинграде тебя мои везде поведут и все покажут. Представляешь, сколько интересного ты увидишь?! Я надеюсь, что этой поездкой ты останешься особенно доволен.

Доводы друга убедили Венедикта, и он уже без особого сожаления стал собираться в дорогу.

Заглянув к Антонине Васильевне в ее кабинет, он пожаловался, что его отправляют в отпуск, ожидая, что она тоже будет огорчена его отъездом. Антонина, действительно, огорчилась, но вида не подала, а сказала, что это просто замечательно, что он отдохнет на берегу Черного моря. Узнав, что он собирается еще и в Ленинград заскочить на пару дней, Антонина попросила его, если ему будет не трудно, навестить ее сестру и передать ей кое-какие гостиницы. Венедикт обрадовался ее просьбе и обещал выполнить данное ей задание. В то же время его очень огорчило, что отъезд не вызвал у нее никакой печали. «Она совсем не будет скучать обо мне», – решил он. И ему опять ужасно захотелось никуда не уезжать. Но согласие навестить семью друга, данное Леше, не позволило ему изменить сроки своего отдыха.

3 июля он вместе с Алексеем приехал на аэродром. Погода выдалась отличной, и друг выразил уверенность, что это хороший знак.

– Можно не сомневаться, что весь твой отпуск пройдет замечательно, и ты вернешься помолодевшим, здоровым, красивым, загорелым, и в тебя влюбится все женское население полуострова.

– Вот этого не надо. Я буду счастлив, если без меня скучать станет и дождется меня всего лишь одна женщина этого полуострова.

– Можешь не сомневаться в этом. Я просто уверен, что наконец-то она примет тебя в свои объятия, осознав в разлуке, что лучше тебя на всем белом свете нет ни одного мужчины.

– Ну и трепач же ты, друг мой Леша! Вот расскажу твоей жене, какой популярностью ты здесь пользуешься, и она прилетит сюда вместе со мной. Интересно, как тебе такой вариант?

– Ты прекрасно знаешь мой ответ. Я был бы просто счастлив.

Венедикт смирился с тем, что ему придется слетать на материк, а участие друга в перелете и проводы его из Хабаровска, встряхнули Лаврова, и он уже даже радовался новым ощущениям и предвкушению отдыха на юге, отличным впечатлениям от поездки в Ленинград.

Встретивший его брат Евгений, не упустил возможности съездить за счет Венедикта на юг и гульнуть, как он выразился, «на всю катушку». Веню позиция брата несколько коробила, но он оправдывал его, понимая, что воспитывался тот без строгой отцовской руки, и братья виноваты в том, что не уделяли должного внимания его развитию, не устроили его в институт, не дали ему хорошего образования. И после гибели Валентина вся вина ложилась за это только на него, поскольку он был ответственным за всю семью. Война, а затем военная служба не позволили ему заниматься братом серьезно. И Венедикт переживал этот факт болезненно. Теперь в опустевшем родном доме ему было так грустно и одиноко, что, навестив могилу родителей, он, прихватив с собой брата, через три дня отправился в Сочи.

Краснодарский край встретил братьев небывалой жарой. И наш отпускник, считавший себя здоровым человеком, почувствовал перебои в работе сердца и скачки артериального давления. Это были нехорошие сигналы. После осмотра ведущий его врач сказал, что это результат участия в той самой войне, эхо которой захватило большую часть населения России. Наличие путевки позволило Венедикту разместиться в шикарном номере на двоих с соседом – инвалидом войны, полковником Загребецким Николаем Максимовичем, так звали соседа, очень гостеприимно встретившего Венедикта Петровича. Узнав о том, что сосед приехал с братом, которого пока нигде не удалось пристроить, он переговорил с сестрой-хозяйкой Анной Сергеевной и та договорилась с соседом по дому – Плешаковым Геннадием поселить молодого человека в его доме за умеренную плату.

Вопрос был решен. После посещения ведущего доктора и получения направления на обследования и процедуры Венедикт сумел встретиться с братом только к обеду.

Женька сразу потребовал, чтобы Веня добыл ему пропуск в санаторий и закинул удочку насчет его обустройства при себе, поскольку ему тоже хотелось жить в приличных условиях, как он выразился. Кроме того, он попросил брата дать ему денег на питание и прогулки по городу.

– Пока ты лечишься, я буду загорать на пляже и гулять по городу. Здесь пропасть красивых женщин. Сам понимаешь, что для знакомств нужны деньги. Хочется приглашать красавиц в кафе и рестораны, а по вечерам будем ходить по значным местам вместе, – изложил он план своего отдыха брату.

Венедикт был ошарашен суммой, которую попросил у него брат. Он помнил о своих обещаниях поехать в Ленинград, чтобы встретиться с семьей друга и родственницей Антонины. Но при размахе трат, которые нарисовал ему братец, перспектива остаться без денег озадачила Лаврова. Поэтому он, дав Евгению тысячу рублей на мелкие расходы, оговорил границы своих возможностей.

– Пойми, – сказал он ему, – у меня нет таких больших денег, какие ты просишь. Постарайся быть скромнее в своих развлечениях.

Женька разозлился не на шутку.

– Такого не может быть, чтобы у человека, работающего на Дальнем Востоке ни один год, не было денег на отпуск. Так и скажи, что для брата тебе просто их жалко. Мог бы устроить меня получше. Сам, значит, хочешь жить, как барин, а я и жалким домиком обойдусь!

И, повернувшись к брату спиной, он гордо пошел от Венедикта, который не мог понять, почему отдых в отдельной комнате хорошего дома, как сказала ему сестра-хозяйка, так не устраивает его брата. Тем более что Венедикт договорился с главным врачом санатория и о возможности питания Евгения в столовой для сотрудников и, более того, уже оплатил его на весь срок их пребывания.

Венедикт понял, что он Женьку нисколько не интересуется, и тому нужны лишь деньги на развлечения. Но, поскольку сам пригласил брата поехать на юг, следовало терпеть его выходки.

Поэтому, обсудив план обследования, лечения и всевозможных процедур со своим ведущим врачом, он, первым делом, отправился на вокзал и приобрел себе билет до Ленинграда, а Евгению билет домой. Венедикт решил, что по окончании пребывания в санатории, он отправит Евгения домой, а сам поедет выполнять поручение друга. Для этого часть имеющихся у него средств следовало оставить на обещанную поездку.

Зная капризный и взбалмошный характер младшего брата, он пошел посмотреть, как тот устроился и дал себе обет не потакать его прихотям.

Домик, где остановился брат, ему очень понравился. Хозяин дома, Геннадий Плешаков произвел на него самое приятное впечатление. Он пригласил Венедикта в дом, показал комнату, где остановился брат, угостил гостя домашним вином из собственного винограда, показал ему свой сад, очень интересно рассказал о всех сортах винограда, произрастающих в Краснодарском крае, а также живо интересовался жизнью на Камчатке, вообще на Дальнем Востоке.

Венедикт засиделся у него допоздна. Ему было приятно общение с этим человеком. Кроме того, он надеялся дождаться брата и поговорить с ним серьезно.

Брат все не появлялся, и Веня забеспокоился. Что могло с ним случиться? Куда он пропал?

Геннадий старался успокоить его, он рассказал, где тусуется молодежь в их городе, назвал несколько ресторанов, адресов, где играют в карты, и предупредил, что места эти лучше обходить стороной.

Венедикт оплатил проживание брата и просил Геннадия, если Евгений будет вести себя вызывающе, сразу ставить его в известность. Он рассказал Геннадию, что брат воспитывался без отца и несколько избалован и безответственен.

Распрощались они с хозяином, как хорошие приятели, и Веня с беспокойным сердцем решил пройтись по тем местам, которые перечислил ему Геннадий.

Но не успел он отойти от дома на несколько шагов, как нос к носу столкнулся с Женькой. Тот был выпивши и в хорошем настроении.

– О, какие люди к нам пожаловали! – возопил он. – Может, угостишь брата в приличном ресторане ужином?

– С удовольствием, – не стал противиться его предложению Венедикт.

Оказалось, Женька времени зря не терял и ознакомился со всеми значными местами города. Он привел брата в самый шикарный ресторан, где уже играл оркестр и почти все места были заняты. Но молодой и довольно ловкий распорядитель зала нашел одно забронированное для кого-то местечко на двоих на террасе, с которой открывался прекрасный вид на горы. Однако предупредил, что они могут побыть здесь ровно полтора часа, так как с 22 часов это место забронировано постоянным клиентом. Когда он принес им меню, Женька выбрал себе самые дорогие блюда и вино. Венедикт, оставшийся без ужина, почувствовал, что проголодался и заказал себе шашлык и салат.

– Скромно, очень скромно, братишка. Что же ты себя так не уважаешь? Здесь шашлык в каждом кафе, да что там в кафе, в каждой столовой подают. Неужели не заработал денег себе на горную форель? На черную икру?

Он расхохотался.

– Мать тебя всегда самым лучшим, что было в доме, кормила. Любимец ты был у нее. Все удивлялись. Обычно любимыми самые младшие дети бывают. Но в нашей семье все не так, как у людей. Я вроде и красивее тебя, и выше, и младше. А вот на тебе, чем-то ей не угодил. Тебя любила до ужаса. Знал бы ты, как она молилась за тебя, когда ты в Сталинграде был. С утра до вечера только и слышно было: «Помоги, Господи, спаси, убереги моего сына Венедикта». Писем от тебя нет, в доме вечный траур. Вот, спрашивается, почему такая несправедливость?! Она и наследство, весь дом завещала тебе. А ты даже не поинтересовался. Я там живу из милости.

Он захмелел и говорил, что приходило ему в его голову. Голова была забита лишь обидами на мать за недостаточную, как он считал, любовь к нему и на Венедикта, который так мало денег ему присылал. «Мог бы для младшего брата не скупиться».

У Венедикта пропал аппетит, он слушал пьяную болтовню Жени и хотел только одного – поскорее уйти из ресторана. Но братишка разошелся. Пригласил за стол какую-то девицу, а та и рада. Кавалер заказал шампанское для дамы, конфет и фруктов.

– Веселиться, так веселиться!... – хохотал он.

Венедикт извинился перед дамой, заплатил за заказ и, простившись, ушел. Но перед уходом попросил Евгения на два слова.

– Не вздумай вести ее в свою комнату. Хозяин оговорил, что сразу откажет в проживании, если хоть раз приведешь в дом женщину. Ты понял?

– Откажет – приду к тебе! – заржал тот в ответ.

Веня, совершенно расстроенный, шел в санаторий и клял себя за то, что не послушал своего мудрого друга. Говорил ему Лешка, что не стоит тащить брата с собой. «Что теперь будет? – думал он. – Почему мне так не везет. То меня Таисия доставала своими выходками, теперь родной брат. Но я дал слово маме, что не брошу его. Я это слово держу, хотя брат уже не ребенок и должен сам себя содержать. Я же, постоянно переводя ему деньги, делаю из него тунеядца, не желающего думать о заработке хлеба насущного. Работает, потому что его держат

там по моей просьбе. Видно, он решил сесть мне на шею основательно. По крайней мере, на период моего отпуска точно».

Венедикт уселся в беседке возле своего корпуса и размышлял, что же теперь ему делать.

Он решил не разговаривать с Женькой, если тот все же приведет даму в дом на ночь. Нужно показать брату, что он старший и, если ему не нравится здесь, я завтра же куплю ему билет домой. Никаких денег больше не посылать! Пусть сам зарабатывает. Ему уже тридцать лет, а он все ищет, кому сесть на шею.

На следующий день Женька прилетел к проходной санатория и, вызвав его, попросив сосудить деньжат на питание.

– Твое питание в столовой для сотрудников я оплатил на весь срок нашего пребывания.

– А я не хочу питаться в столовой!

– Пожалуйста, можешь питаться в ресторанах. Но только за всей счет.

– Жадность заела! Зачем тогда приволок меня сюда? – заорал на него брат.

– Если ты хочешь уехать, то замени этот билет на другую дату.

Венедикт вынул из кармана билет и подал Евгению. Но тот не взял его.

– Ты брал, ты и меняй. А я свое время тратить на очереди в кассе не собираюсь.

Венедикт повернулся и пошел к своему корпусу. Братец одумался и позвал:

– Дай мне денег на питание и на дорогу, Веня.

– Денег не дам, питаться можешь в столовой. Билет возьми и ко мне больше не приходи.

За комнату я заплатил.

Венедикт вложил в руку Евгения билет и быстро ушел.

Братья не встречались и не разговаривали, но Венедикт знал, что Женя ходит на завтраки и обеды в столовую, и его мучала мысль, ужинает ли он. Вдруг он сидит голодный. «Но, с другой стороны, – думал Венедикт, – я, будучи студентом, никогда не просил денег ни у матери, ни у старшего брата. Просто сам подрабатывал, разгружая вагоны или участвуя в театральных массовках», куда его приглашали с удовольствием, потому что он был прекрасным гимнастом и отъявленным театральным.

Перед окончанием срока санаторного лечения Евгений объявился. Он, по его словам, решил уладить их отношения, чему Веня обрадовался чрезвычайно и пригласил брата в ресторан, заказав отличный ужин, после которого они вместе бродили по городу и в заключение пошли на танцы в санаторий. Сосед Венедикта уже уехал, и Веня оставил брата ночевать в своей палате. Женя уезжал днем, а Венедикт вечером. Ему хотелось самому проводить брата, поговорить с ним серьезно о его будущем. У него с души свалился тяжелый груз после примирения с ним. Он уснул совершенно успокоенным и проснулся перед самым завтраком.

К его огромному удивлению Женьки в номере не оказалось.

После завтрака он помчался к нему на снятую для него квартиру, но был совершенно ошарашен словами хозяина, что Евгений съехал еще два дня назад. Расспросив хозяина о поведении брата, Венедикт узнал, что тот часто пропадал ночами. Что приходил всегда выпивши, что последнее время был очень расстроен, напуган чем-то. И, как показалось Геннадию, видимо, он сильно где-то проигрался. Он даже просил деньги у него в долг, но хозяин такими суммами не располагал.

– Сколько же он просил у вас денег? – внутренне холодея от страха за брата, спросил Венедикт.

– Двадцать три тысячи.

Совершенно убитый, расстроенный Венедикт бродил по городу в надежде встретить Евгения, но тщетно. Оставалось надеяться лишь на встречу на вокзале, куда брат должен был прийти, чтобы сесть на поезд, отправляющийся в Москву.

Вечером Венедикт тоже уезжал. Поэтому он вернулся в санаторий, собрал вещи, пообедал, получил выписные документы и поехал на вокзал, чтобы встретить брата и поговорить

с ним серьезно. Поезд до Москвы уже был подан на платформу, но брата все не было. Он появился за три минуты до отправления. При этом сделал вид, что не замечает Венедикта и вошел в вагон.

Веня окликнул его. Евгений обернулся и, пряча глаза, небрежно бросил:

– Опаздываю! До свидания! Как доберусь, напишу!

Он прошел в свое купе, и поезд тронулся.

Сказать, что Венедикт был расстроен, значит не сказать ничего.

Он был совершенно убит, бесконечно обеспокоен и страшно зол и на брата, и на себя. Он проклинал себя за то, что позвал Евгения с собой, за то, что не сумел нормально поговорить с ним.

Уезжал он из Сочи с тяжелым сердцем.

Ленинград встретил его прекрасной погодой, радостью жены друга Зинаиды и их доченьки Лидочки, что от папы им привезли весточку. Венедикт, не понимавший, почему Алексей не бросил жену, которая не хотела променять свой город на счастье быть вместе с мужем, после знакомства с ней подумал, что никогда бы не оставил эту женщину. Зинаида покорила его своей душевностью, тактичностью, гостеприимством и желанием создать домашний комфорт для него, показать ему Ленинград, бесконечно расспрашивая его об Алексее и его жизни. Они с дочерью обращались с гостем, как с самым родным и близким человеком. Лишившийся матери Венедикт, впервые после ее смерти, ощутил истинную заботу и внимание к себе. Ему было здесь так хорошо, что не хотелось даже думать об отъезде. Зинаида и Лидочка водили его по всем достопримечательностям, театрам, пригородном дворцам.

Сочувствуя другу и порицая его жену за нежелание поехать с мужем к месту его службы, он, видимо, не услышал некоторые причины этого поступка, которые Леша не мог не сказать ему.

У Зинаиды тяжело болела мама. И хотя она жила в семье ее брата Василия, Зинаида и Лидочка постоянно, ежедневно навещали Ольгу Федоровну, привозя необходимые лекарства, продукты и стараясь погулять с ней, свозить ее к врачам, да и просто побыть с ней рядом. На время визита Венедикта мама запретила Зине заниматься ею. Она считала, что дочь и так принесла свою нормальную семейную жизнь ей в жертву, и не хотела, чтобы друг ее зятя считал ее эгоисткой и бездушной особой. Тем более что мать постоянно советовала дочери уехать к мужу.

Была и еще одна немаловажная причина раздельного проживания супругов. По их общему согласию, они не хотели срывать с учебы Лидочку, которая занималась в музыкальной школе при консерватории и подавала большие надежды.

Сама Зинаида Николаевна преподавала в Технологическом институте, заведовала кафедрой, работала над докторской диссертацией, и Леша не желал портить карьеру своей талантливой и трудолюбивой женошке. Но женошка очень скучала по мужу и после разговора с Венедиктом по общему согласию с семьей решила навестить мужа, отдохнув у него до начала учебного года и прилетев к нему неожиданно негаданно вместе с его другом. Это решение привело Веню в восторг. Он представил, каким сюрпризом будет для Алексея ее приезд. В общем, в Ленинграде Венедикт испытывал только положительные эмоции.

Встреча с сестрой Тони тоже не разочаровала Лаврова. Мария обрадовалась ему, как родному, и не хотела отпускать его.

– Поживите у нас, – просила она. – У нас тесновато, конечно, но мы для вас освободим комнату полностью. Я уже договорилась, мы с мужем поживем в квартире соседки. Она сейчас на даче.

Никогда еще Венедикту никто так не радовался. Его просто рвали на части. Он всем был нужен, и все желали его общества.

Мудрый Леша не зря сказал, что поездка в Ленинград будет самой интересной частью его отдыха. Лишь воспоминания о брате отравляли ему душу. Он писал ему письма, посылал телеграммы, но тот молчал. Венедикт еще не знал, что разгадка ситуации, причем самая горькая и обидная, его уже поджидает по месту службы.

Дни, проведенные в гостях у друзей, пролетели, как одно мгновение. И вот они с Зинаидой уже летят на Камчатку.

Лешка, встречавший их во Владивостоке, бы потрясен, увидев свою Зинаиду. Счастью его не было предела, однако, очутившись наедине с Веней, он сказал, что до глубины души оскорблен поступком Венедикта.

– Ты не хотел, чтобы я привез ее? – с тревогой спросил Лавров.

– Причем здесь Зина? – ответно удивился Алексей. – Просто я считал себя твоим другом, к которому ты всегда в первую очередь обратишься за помощью. А ты ни с того, ни с сего просишь помощи у начальства.

Веня опешил.

– Ты о чем это?

– О твоей телеграмме Петрищеву, в которой ты попросил выслать тебе немедленно двадцать пять тысяч рублей. Кстати, тебя что, обокрали? Зачем вообще тебе понадобилось столько денег?

– Ничего не понимаю?! Я не давал никаких телеграмм.

– Я сам ее читал. Петрищев был тоже удивлен и озабочен и спрашивал у меня, что с тобой приключилось. У него не оказалось столько денег, и мы сложились по двенадцать с половиной тысяч.

– Этого не может быть! – твердил Венедикт. – Куда вы перевели деньги?

– В Сочи на имя Лаврова Евгения Петровича, как ты и просил.

– Вот, значит, как ты добываешь себе деньги, братик дорогой!

Он рассказал Алексею всю свою историю встречи и отдыха с братом. Его негодованию не было конца, но подавать заявление в милицию на вора он не стал.

Точка в отношениях с родственником была поставлена навсегда, но это предательство, эта подлость не прошли даром. Вечером в день приезда Лавров был госпитализирован с обширнейшим инфарктом миокарда. Братец постарался на славу. И хотя, помня наказ матери, Венедикт еще не раз окажет ему помощь и получит в ответ лишь насмешку и полную неблагодарность, но от обязанности любить и уважать Евгения освободится полностью.

Глава 5

Очнувшись в госпитале в отделении кардиологии, Венедикт увидел сидящих у его постели Зинаиду и Антонину. Слегка приоткрыв глаза, он наблюдал за женщинами, стараясь понять, что все это значит. Особенно поразил его расстроенный вид Тони, которая старалась незаметно смахивать постоянно текущие по ее щекам слезы, а Зинаида гладила ее руку и шептала, что все обойдется, что Венечка обязательно поправится, и они все вместе полетят справлять их свадьбу в Ленинград.

Услышав эти слова, Венедикт возблагодарил Бога, что тот привел его на больничную койку.

«Следует подольше поболеть», – решил он и быстро закрыл глаза.

Зинаида уловила его движение и, погладив Тоню по руке, вышла из палаты.

Венедикт замер от нежного прикосновения ее губ к его щеке. Он не сдержался и слегка пожал пальчики ее руки, при этом испугавшись, что Тоня сейчас же встанет и уйдет. Но она прижалась к его лицу и зашептала:

– Только не умирай, Венечка. Я тебя очень люблю.

И он прижал ее к себе, хотя слабость была жуткая, и стал целовать ее руки. За этим занятием и застал их Лешка, тихо вошедший в палату.

– Ну вот, а ты плакала, Тоня. Этот герой даже на больничной койке не упустит возможности проявить свое восхищение прекрасной женщиной. Молодец, Венечка! Так держать!

Антонина поцеловала больного в щеку прямо в присутствии друга и, сославшись на оставленную срочную работу, ушла к себе в кабинет, где ее уже поджидала Зинаида.

Венедикт глупо улыбался, наблюдая, как Леша поудобнее устраивается возле его кровати.

Алексей посмотрел на него с радостью и произнес:

– А ты сомневался, что Антонина примет тебя в свои объятия после долгой разлуки. Слушай, что тебе говорит твой опытный в таких делах друг, и никогда не паникуй раньше времени. Ну, отчитывайся, как ты себя чувствуешь? Напугал ты нас всех до-смерти. Даже Петрищев не выходил из твоей палаты несколько часов. Эх, Венечка-Венечка, бить тебя некому. Вот пристрою к тебе Антонину и хоть спокойно спать буду. Она тебе не позволит изводить себя работой или заботой о родственниках.

Еще не докончив фразы, Алексей понял, что сморозил глупость. Нельзя было напоминать Вене об этом.

Лицо друга посерело, и Алексей нажал на кнопку вызова врача. Его попросили покинуть палату, и он всю дорогу ругал себя последними словами. Поджидавшая его у Антонины в кабинете жена поняла, что муж чем-то расстроен. Он рассказал им о своем промахе, на что Антонина заметила, что такую подлость от родного человека и здоровое сердце не выдержит и, покачав головой, заплакала, чем расстроила Алексея еще больше. Зинаида пришла ему на выручку, сменив тему разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.